

— Я все понимаю, Олимпиада в Москве — это прекрасно, гордо, престижно, всех объединяет и всякое такое, но это же одновременно и жуткий геморрой для простых граждан! Зачем так усложнять людям жизнь? — Лидка любила задавать риторические вопросы, ей казалось, что она таким образом спорит с Всевышним.

На время Олимпиады, сразу после ее открытия, семья Крещенских — Роберт, его жена Алена, теща Лидия Яковлевна, или Лидка, как ее исстари звали, и младшая дочь Лиска — сбежали от греха подальше на дачу в Переделкино, где время, казалось, совершенно остановилось и ничем не напоминало застывшую и одновременно взбудораженную Москву.

— Толя, Принц наш, только что звонил, — продолжала Лидка, — хотел сюда, на дачу, приехать, так не смог даже к вокзалу подойти — все оцепили, не пустили к вагонам, то ли ждали кого-то, то ли облаву устроили... Решил после этого поехать к нам на Горького — я его попросила цветочки полить, — добрался было до «Пушкинской», все чинно-мирно, так на тебе — промчались, не останавливаясь, на всех парах до следующей станции! Он, бедняга, измучился с этими поездками! А какое количество усилий потрачено,

мать моя! У него иссяк весь словарный запас, когда он это мне рассказывал! Вот зачем такое в городе устраивать? Не пройти, не проехать! Скорей бы вся эта спортивная вакханалия закончилась! В общем, нахожусь под впечатлением!

Лидка никак не унималась: главное же — думать о гражданах, как ей казалось, об их быте и удобстве, а выходит, что сами граждане своим существованием и мешают этому грандиозному событию.

— Так я не понимаю, объясните мне, дуре, для кого тогда все эти мероприятия устраиваются? — возмущалась она довольно громко, жаря блинчики на кухне. Дачный день был дождливый, лето восьмидесятого хорошей погодой не отличалось, весенняя прохлада все время напоминала о себе, так и грозя перейти в осеннюю, минуя лето. Дождь стучал по крыше, бурно изливался из водосточных труб, жасминовые кусты за окном развалились от тяжести воды и почти легли на землю, так и норовя сломаться. Зато дух во дворе стоял волшебный и входил в дом через все открытые форточки и щели — так мог благоухать только дочиста отмытый участок леса, где все — и листья, и стволы мачтовых сосен, и молодая смола, и цветы, раскрытые и бутонами, и притаившиеся до времени грибы, и спелая, обвалившаяся от дождя малина, и жучки-паучки, птички-синички — все-все подверглось долгой и основательной промывке, стало свежим и вроде как снова юным.

Роберт вышел на крыльцо покурить и посмотреть, как заливает. Дорожки стали живыми, водные потоки гнали по ним все, что попадалось по пути, — листья,

шишки, веточки, всякую дребедень. Куда это все с невероятной скоростью уносилось — непонятно, разве что за углом шумел какой-то океан, о котором Роберт пока не знал, хоть и прожил в Переделкино около двадцати лет. Воздух был удивительным, по-грозовому озоновым и от этого радостным. Роба покрутил в руках сигаретку, но не отважился ее запалить, давно он так остро не чувствовал запах дождя.

— Робочка, нашла тебя! — Алена вышла на крыльцо и полной грудью вздохнула, азартно поводя ноздрями. Так же как и Роберт, облокотилась о перила и проводила взглядом кленовый листик, который быстрым ручейком весело промчалось за угол дома. Откуда-то от соседей вдруг активно, несмотря на ливень, запахло шашлыками, и вся прелесть загородно-дождевой атмосферы мгновенно улетучилась. — Я за тобой пришла, там уже началось, — позвала Алена, и они вошли в дом.

Оба через темную прихожую — а она всегда была темной, даже когда там горел свет, — поспешили в гостиную. На столе перед включенным телевизором стоял большой пузатый чайник с такой же пузатой чашкой, неизменные спутники хозяина дома. Телевизионная олимпийская программа была очень насыщенной, хотелось смотреть все, что показывали со всех спортивных объектов. Роберт в далеком студенческом прошлом довольно профессионально занимался волейболом и баскетболом — баскетом, как он говорил, а еще настольным теннисом и боксом, потому пропустить что-либо из этих видов спорта было бы для него трагедией. А еще любил водное

поло, легкую и тяжелую атлетику, фехтование, ручной мяч, хоккей на траве и без травы, стрельбу из лука и не только, греблю, лошадок, дзюдо и особенно плавание. Особенно, потому что Катя, его старшая дочь, работала от института волонтером на соревнованиях по плаванию в новом бассейне на Олимпийском проспекте. И как только начиналась трансляция из бассейна, все Крещенские усаживались к телевизору, чтобы, во-первых, поболеть за наших, а во-вторых, попытаться выцепить глазом и Катерину — вдруг удастся? Нет, в соревнованиях она не участвовала, но вскользь показать ее очень даже и могли.

Роберт постарался настроить телевизор, но получалось пока плохо — за городом сигнал еле ловился, а если и ловился, то слишком слабо и капризно, тем более что нагрузка была ого-го какой — болели в это спортивное время все поголовно! Даже когда специально перед Олимпиадой Крещенские решили тщательно подготовиться и купили антенну, с виду довольно уродскую, но, как сказали, мощную и надежную, и приспособили ее над телевизором, изображение все равно продолжало скакать и двоиться, никак не реагируя на новое «украшение». Существовал, правда, еще дедовский способ привести картинку в чувство — стукнуть как следует кулаком по боковой стенке «ящика», как Роберт называл телевизор. Иногда это срабатывало, но не сегодня. Роберт прицелился, двинул по коробке, и... изображение исчезло вовсе, лишь уменьшающаяся белая цель трагически угасала посреди экрана.

— Да что ж за невезение такое! — Роберт еще раз похлопал по телевизору, на этот раз бережно, даже нежно, но было уже поздно — телевизор, обидевшись, ушел в отказ, поглотив Олимпийские игры, соревнования в бассейне, подающего надежды молодого пловца Сальникова и возможность увидеть Катерину.

— Никак? Может, антенну покрутишь? — участливо предложила Алена, понимая, как Роберт остро реагирует на отлучение от соревнований, словно участвует в них сам.

— Да бесполезно, лампа, скорее всего, перегорела, он так удивленно выключился, надо срочно мастера вызывать... — закурив, горестно произнес Роберт.

— А сегодня что-то важное? — спросила Алена, принеся на стол тарелку с высокой промасленной стопкой горячих блинчиков, которые Лидка все еще продолжала жарить, несмотря на их устрашающе растущее количество.

— Финал вот скоро, после самое интересное — заплыв на полторы тысячи метров, наш парень плывет, очень я на него надеюсь, — сказал Роберт, будто долгое время был его тренером и вот вывел на Олимпиаду, чтобы он наконец показал, на что способен.

— Можно, конечно, пойти к Феликсам, не откажут, скажем: форс-мажор! — Алена сразу постаралась найти выход из положения.

Под одним именем Феликсы ходили муж с женой, сравнительно новые друзья, доставшиеся Крещенским после свадьбы детей со стороны Катиного мужа, Дементия. Феликсы плотно общались, да что

там общались, дружили с отцом Дементия, Владиславом, которого все звали Владиком. Их связывало многое: и журналистская работа, и совместные загулы, семейные и не очень, так почти полжизни они рядом и держались. В общем, не находилось хода, который они делали друг без друга. И вот со временем, когда сын Владика обрел свободу и женился, Феликсы плавно и радостно перетекли к Крещенским, продолжая, конечно же, общаться и с родителями Дементия. Даже в телефонной книжке они были записаны именно так — Феликсы, — поскольку представляли единое целое, хоть внешне были полной противоположностью друг друга. Он — весь из себя международный журналист, личность значимая, выпуклая, высоченный худой еврейский красавец в очках, с быстро увеличивающимся лбом, да, что ж делать, лысеющим, что смотрелось очень даже органично — на вулкане трава не растет, говорил он и был абсолютно прав! Жена его, Татьяна, почти русская, с какой-то милой нездешней примесью, красавица, роста совсем небольшого, чуть ли не вполовину ниже мужа, живости и женственности была необычайной и сразу заполняла своим подкупающим щебетом все пространство вокруг. Она вся словно состояла из округлостей, улыбок, бантиков, локонок, заколочек и казалась уютной до невозможности. Маршак, видимо, писал именно про нее:

Из чего только сделаны девочки?
Из конфет и пирожных
И сластей всевозможных.
Вот из этого сделаны девочки!

Из чего только сделаны барышни?
Из булавок, иголок,
Из тесемок, наколок.
Вот из этого сделаны барышни!

И вот идея позвонить Феликсам была принята Робертом моментально и с большой радостью. Он закрыл окно, чтобы природа не была так буйно слышна, и набрал номер:

— Старик, привет! А у тебя телик работает? Мой ящик только что дал дуба, а сегодня мощная программа. — Роберт замолчал, заулыбался и, попрощавшись, повесил трубку. — Ждут хоть через пять минут! И блинов возьмем! Собирайся!

С ними было всегда просто и весело, без расшаркиваний, реверансов и фиги в кармане: да — да, нет — нет, без обид, а их гостеприимный дом был известен во всей округе. Владик слегка даже приревновывал к зародившейся дружбе между Крещенскими и Феликсами, старался, как мог, соответствовать и участвовать в загулах, но не всегда получалось — срабатывал географический фактор, поскольку и Крещенские, и Феликсы жили в Переделкино, в пяти минутах ходьбы друг от друга, а из Москвы-то не всегда и доедешь.

Обитали Феликсы в маленьком съёмном домишке недалеко от железнодорожной станции. Шум от электричек и самолетов был привычным фоном всего поселка, на это и внимания никто из местных не обращал, так и жили под вечный гул. Комнаты Феликсова флигелька были крошечные, а кухня так и вовсе игрушечная — Роберт, когда входил, боялся порушить шаткую конструкцию, задев ненароком какую-нибудь

несущую балку, но нет, хижина стояла крепко, ведь главной опорой была старая живая береза, которую хозяин не захотел в свое время спилить. На белом с черными островками стволе размеренно шла своя жизнь — спешили куда-то вверх, через крышу, на волю стайки муравейчиков, плели паутину паучки, гусеницы деловито ползали в поисках молодых листочков, которых внизу и в помине не было, иногда сверху довольно настойчиво стучал дятел, которого Феликсы часто подкармливали. Береза как бы росла из стола, и, сидя за ним, можно было спокойно наблюдать за жизнью подмосковных насекомых, следя, конечно, за тем, чтобы они не падали в тарелку.

Катя с Дементием тоже любили ходить к Феликсам — и темы для разговоров находились, и поучиться было чему, и — да — поесть тоже! Таня прекрасно готовила, и у них всегда было из чего, дефицитные продукты и заграничные бутылки на столе не переводились — доступ к магазину «Березка» прослеживался невооруженным глазом. Да и ездили они по свету много, привозили удивительные рассказы, чудесные подарки и новые необычные рецепты. Танюшка любила украшать жизнь, получалось у нее это прекрасно, она все продумывала до мелочей и постоянно экспериментировала. Однажды привезла из Франции не только рецепты, но и украшения для стола и подачи — плоские гофрированные ракушки из-под моллюсков Сан-Жак, которые долгое время служили прекрасными тарелочками для запекания горячих закусок, — это было чудо, о таких Катя никогда и не слыхала! Створки ракушек не портились и каждый раз

С бабушкой Верой, папиной мамой, и с Таней Розенталь

вызывали восхищение гостей. А еще свечи на столе в мудреных подсвечниках, салфетки в кольцах, разноцветные хрустальные стаканы — сказка и только!

Дома у Крещенских таких правил не было, большой кузнецовский сервиз стоял в огромном старинном буфете, но приборы к нему всегда шли вразнобой, да и стаканы тоже, иногда в ход для вина шли даже чашки, если фужеров не хватало, но застолье — оно такое, главное, чтоб было с кем и о чем поговорить, а не одинаковыми показушными бокалами звенеть.